

Полад Бюль-Бюль оглы:

В Азербайджане под фонограмму не поют

Наш телефонный разговор с культовым советским певцом и композитором, а ныне — министром культуры Азербайджана состоялся в полночь, накануне его юбилея (4 февраля Полад-эфенди отметил 60-летие). Разговору в нормальное время помешала его подготовка к... нет, не к собственному юбилею, а к Году Азербайджана в России (стартует 16 февраля).

«Каким вы будете министром, еще неизвестно...»

— Полад Бюль-Бюлевич, с юбилеем вас! Задам, наверное, надоевший вопрос: не лучше ли быть суперпопулярным музыкантом, чем рядовым министром культуры?

— У меня с детства, кроме страсти к музыке, был интерес к организационной работе. Я еще в школе был председателем пионерской дружины. И в комсомоле всегда оргработой занимался. Так что согласие уйти на министерскую должность было для меня совершенно осознанным. В 1988 году дал серию прощальных концертов в Москве и Петербурге. И все... Ну, еще в 2000 году немного пошел, когда в Москве возле ГЦКЗ «Россия» закладывали мою именную звезду.

Знаете, у меня была давняя горячая поклонница из Вильнюса, которая писала мне письма, а я их уже узнавал по почерку. В 88-м она написала: «Ваше решение — большая ошибка. Каким вы будете министром, еще неизвестно, а вот большого певца и композитора мы

уже потеряли. И я вам больше писать не буду». И не написала. Обиделась... Сейчас часто задумываюсь, кто прав: я или она? Да, песен я с тех пор не пишу. Зато 16 лет выполняю очень нужную работу. Чего только не было за это время! Развал Союза, становление независимого Азербайджана, угроза гражданской войны, Карабах... Меня это очень волнует, я ведь шушинец (Шуша — город в нагорной части Карабаха. — Прим. авт.) Наверно, это были самые тяжелые 16 лет моей жизни. И не всем я нравлюсь. И критикуют, и просто грязью поливают. Иногда хочется плюнуть, уйти и... выспаться! Но потом чувство долга пересиливает и работаешь дальше.

— И сколько же сейчас у вас подчиненных?

— В ведении министерства культуры Азербайджана 9200 организаций. Это в сумме 53.000 человек. Мне очень помогло, что я несколько лет перед этим поработал директором филармонии. А до того руководил эстрадными коллективами. Разница же в управлении 25 людьми и 25 тысячами не очень большая.

«Меня тоже в свое время старшее поколение сильно ругало»

— А еще вы возглавляете Совет, в который входят

министры культуры стран СНГ, господа все сплошь творческие. Позволяете себе расслабиться с ними?

— Ну, разве что после работы за совместным ужином. Тут, конечно, и чарочку выпьем, и тост скажем. А потом казахстанский министр культуры (уже бывший) Дюсен Касенов, он скрипач, забирал скрипку у музыканта ресторанного оркестра и играл. После этого начиналась небольшая министерская художественная самодеятельность.

Между прочим, еще в Со-

ветском Союзе, когда министром культуры был Николай Губенко, мы давали благотворительные концерты, выручка от которых шла в Фонд Чернобыля. Состав у нас тогда был совершенно звездный. Сам Губенко и министр Кыргызстана играли на гитарах. Министр Таджикистана, женщина, блестяще читала стихи. Молдавский министр, режиссер, рассказывал актерские байки. Министр культуры России Юрий Соломин читал монологи. В общем, мощная компания...

легковесным текстом... Образец дурного вкуса...»

— Да, примерно так писал обо мне замечательный композитор Никита Богословский. Мне стало обидно. Я ведь из музыкальной семьи: отец пел в опере, и сам я писал серьезную музыку, в том числе симфонии. На одном из мероприятий подошел к Никите Владимировичу, показал ему кое-что. Он послушал и сказал, что изменил свое мнение обо мне.

— Многие сейчас считают вас злейшим врагом попсы.

— Намеряете на то, что у

нас запрещены концерты фонограммщиков? Считаю, это правильно. Не умеешь петь вживую, будь любезен...

— Так вы же, наверно, множеству гастролеров жизнь испортили?

— Первое время количество концертов сильно сократилось. А потом, знаете, ничего. Все привычки к новым требованиям. Сейчас по концертам выходим на прежний уровень.

рошо знаком с моим). Последние 7 лет он ежегодно на 5–7 дней приезжает на родину, дает здесь мастер-класс, концерт. А ведь график у него ужасно плотный, расписанный на много лет вперед.

— А какие у вас сейчас вкусы? Что читаете, слушаете, смотрите?

— Знаете, я, как чиновник, прочитываю, прослушиваю и просматриваю такое количество бумаг, пьес, сценариев, что о личных вкусах вспомнить некогда. Представьте себе: скажем, обсуждается вопрос, что делать с памятником культуры. У меня лежит три большие стопки бумаг. Одна — история памятника. Вторая — его нынешнее состояние. Третья — предложения по его будущему. И все это я должен хотя бы просмотреть. Поэтому музыку, скажем, слушаю только для расслабления: прежде всего классику, в том числе классический джаз, блюз. Читаю развлекательную литературу — своего приятеля Чингиза Абдуллаева. И все это во время бесконечных перелетов. Хотя сейчас я уже не тот: раньше мог три перелета в день выдержать. А теперь тяжело...

«У нас в Азербайджане НЛО не редкость»

— Аэрофобией не страдаете?

— Что вы! Самолет — мой лучший друг! Это единственное место, где не работает телефон и я могу нормально выспаться.

— На одном из интернет-форумов я вычитал байку от двух парней о том, как они в 1990 году летели в Баку вместе с Поладом Бюль-Бюль оглы. И их самолет преследовало НЛО. Выдумки?

— Нет, было. Мы подлетали к Баку. И тут сосед у окна разбудил меня, в иллюминатор пальцем тычет. А там справа по борту какие-то огни в несколько рядов, белые, желтые, красные. И периодически меняются рядами. Я пошел к командиру экипажа, спрашиваю: «Видите, что там происходит?» Отвечает: «Вижу. И не в первый раз. Вы не пугайтесь — они нас не трогают и скоро исчезнут». Спрашиваю: «А вы это все отмечаете, сообщаете?» Отвечает: и отмечает, и сообщает, но что дальше происходит, не знает...

У нас в Азербайджане НЛО не редкость. Помню, несколько лет назад в лунную ночь на Апшероне (полуостров, на котором расположен Баку. — Прим. авт.) тоже наблюдал со своим шофером ряд огоньков, перемещающихся очень быстро, не так, как самолет.

— И вы никогда журналистам об этом не рассказывали?

— А зачем? Скажут: серьезный человек, а глупости говорит.

Самолет — мой лучший друг! Это единственное место, где не работает телефон и я могу нормально выспаться.

Представляю себе. А вы следите за тем, как развивается у нас тяжелый жанр легкой музыки?

— Да, правда, редко. И особой радости музыкальный пейзаж у меня не вызывает. Хотя, как только так подумаю, сразу торможу себя: «А может, это старческое брюзжание?» Ведь и меня в свое время старшее поколение сильно ругало. И Кобзона, и Хила...

— «Песни с примитивными мелодиями и

каждый год к вам приезжает Мстислав Ростропович. Для многих было открытием, что он бакинец.

— Да, Мстислав Леопольдович родился в Баку и прожил здесь лет до 8. Его отец — музыкант, виолончелист, преподаватель нашей консерватории. Ростропович всегда помнит о своем бакинском прошлом (кстати, его отец был хо-

Ростропович помнит, что он бакинец»

Каждый год к вам приезжает Мстислав Ростропович. Для многих было открытием, что он бакинец.

— Да, Мстислав Леопольдович родился в Баку и прожил здесь лет до 8. Его отец — музыкант, виолончелист, преподаватель нашей консерватории. Ростропович всегда помнит о своем бакинском прошлом (кстати, его отец был хо-

— И вы никогда журналистам об этом не рассказывали?

— А зачем? Скажут: серьезный человек, а глупости говорит.

фото Сергея Милозина (ИТАР-ТАСС)

Полад Бюль-Бюлевич крепко держится в седле